

В. В. Колода

Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце

Балаклейском районе Харьковской области, на правом берегу Северского Донца, в 4 км к северо-западу от с. Меловая на территории современного хутора Червоный Шлях (бывший — Коммуна) расположено городище. По названию ближайшего урочища оно получило название «Северское», но в литературе имеет место и второе его название — «Меловое» (по названию ближайшего села). Памятник занимает высокий, вытянутый с востока на запад мыс правого берега, образованный руслом реки и балкой с ручьем, которые огибают указанный мыс с юга, юго-запада и запада. С восточной стороны мыс также ограничен глубокой балкой с мощным родником. Небольшой перемычкой, ширина которой составляет всего 40 м, этот мыс соединен с основным коренным берегом Северского Донца (рис. 1).

Городище имеет один двор, окруженный основным валом с восточной, южной и западной сторон¹. Один дополнительный вал расположен с западной стороны в 20 м от основного. С юго-восточной стороны в 15 и 75 м от основного вала расположены и два дополнительных, которые защищают городище с наиболее опасной напольной стороны. Здесь же, ближе к восточной балке, располагался и вход в городище.

Это городище известно давно. Первые сведения о нем относятся к XVI в. [2, с. 40]; упоминается оно в начале XX ст. и Д. И. Багалеем [3, с. 32]². С целью культурно-хронологического определения городище впервые было осмотрено в 1947 г. И. И. Ляпушкиным. Выявив при зачистке одного из военных окопов керамику раннего железного века, он интерпретировал его как скифское, определив время его существования концом IV—III вв. н. э. [5, с. 63–64, рис. 12]. В 1952 г. обследование городища провел Б. А. Шрамко. Он произвел инструментальную съемку плана и заложил шурф в 4 м² в восточной части памятника. В шурфе исследователь обнаружил фрагменты сосудов скифского и салтовского времени [6, с. 18–19]. Несмотря на то, что исследования оборонительных систем не проводились, он, как и его предшественник, отнес памятник к раннему железному веку. Такая этнохронологическая интерпретация была закреплена в начале 60-х годов прошлого столетия в обобщающей монографии И. И. Ляпушкина [7, с. 89] и работах Б. А. Шрамко [1, с. 176, 188; 4, с. 146–149, рис. 1, 11, 12]. Исходя из южного расположения городища, последний из авторов отвел ему роль форпоста, защищавшего лесостепное скифоидное население Подонцовья от набегов кочевников с юга [1, с. 176, 188].

Таким образом, в научной литературе закрепляется скифская хронологическая и этнокультурная интерпретация городища (рис. 2), которая тиражируется в справочной

¹ В современном состоянии восточная часть вала уничтожена хозяйственной деятельностью, но в середине XX в. она еще вполне просматривалась [1, рис. 72, 4]

² Наиболее подробно историография начала XX в. рассмотрена в работе Б. А. Шрамко [4, с. 146]

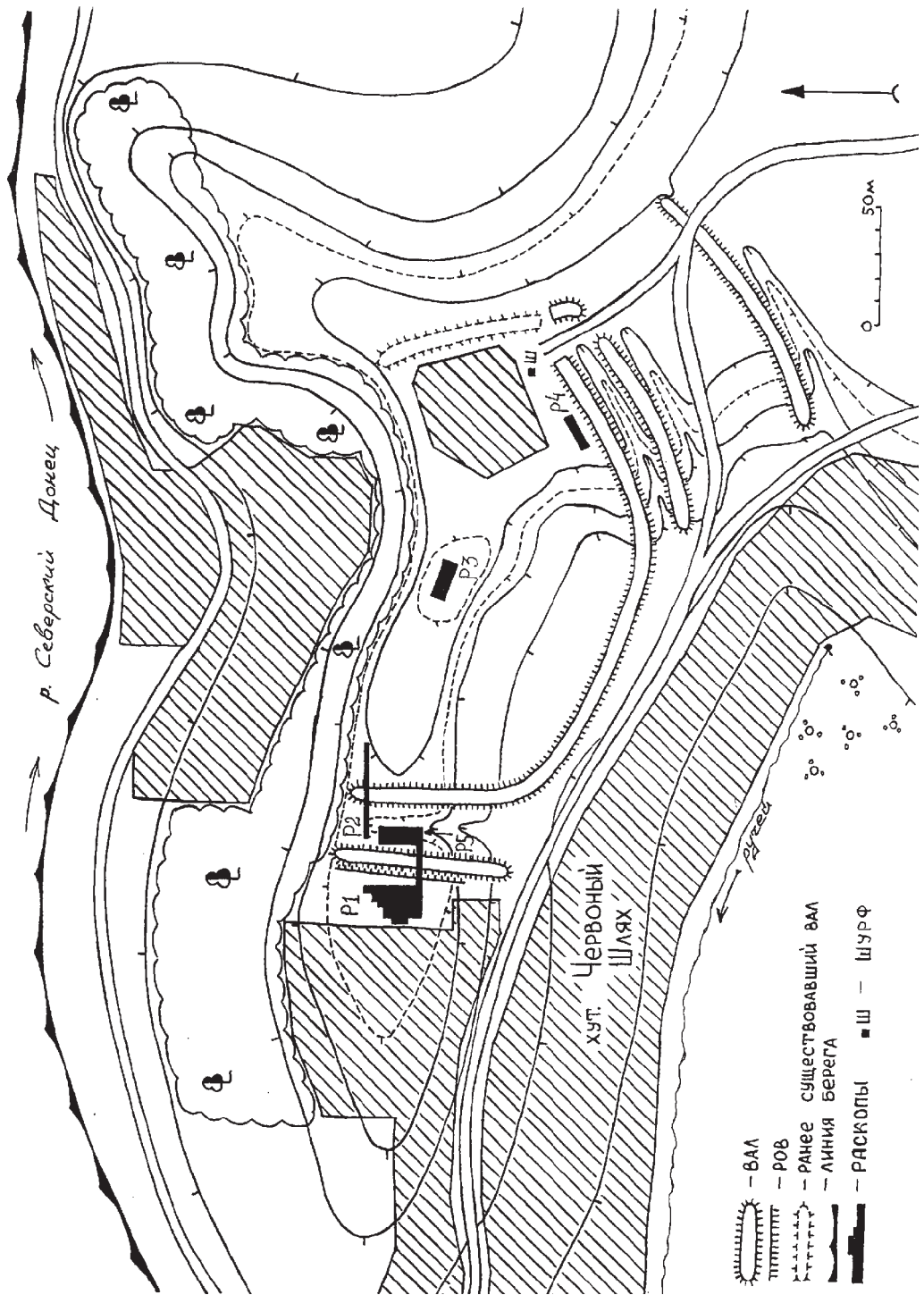

Рис. 1. План Северского городища

литературе [2, с. 30, 31, 40], учебных пособиях [8, с. 115, 208] и работах по раннему железному веку [например: 9, с. 161–165].

Целенаправленные исследования с целью выяснения культурной и хронологической принадлежности данного памятника были проведены лишь в конце 80-х годов прошлого столетия. В 1986 и 1987 гг. на городище под руководством автора работал Северодонецкий отряд Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета, общее руководство которой осуществлял В. К. Михеев [10, с. 15; 11, с. 17–28]. В 1988 г. исследования были продолжены Северо-Донецкой археологической экспедицией ХГУ, которую возглавляли Ю. В. Буйнов и А. К. Дегтярь [12, с. 1–7]. В результате было подтверждено наличие салтовского селища к западу от городища и определены его приблизительные размеры $\approx 120 \times 75$ м [10, с. 15, табл. V, 1–5; XLVIII; 12, с. 2]; были также проведены раскопочные работы на самом городище. Кроме того, был собран обильный подъемный материал на усадьбе, расположенной в восточной части двора городища. Здесь были выявлены керамические материалы скифоидной лесостепной культуры раннего железного века и салтово-маяцкой археологической культуры, а также немногочисленные обломки пеньковской керамики [11, с. 17].

Всего в разных частях городища было заложено пять раскопов (рис. 1). Ни в одном из них скифский материал не был обнаружен, но все они в той или иной степени содержали материал салтовской культуры [11, с. 17–28; 12, с. 2–7]. Раскоп № 1 пришелся на восточный край двухслойного селища, располагавшегося к западу от дополнительного вала. Стратиграфически картина здесь выглядит следующей: верхние 0,1 м — дерновой слой, ниже (до уровня — 0,3 м) расположен салтово-маяцкий культурный горизонт, под которым до глубины 0,6 м шел бондарихинский культурный слой позднего этапа бронзового века [12, с. 4–5]. Вероятно, восточной границей бондарихинского поселения был овраг, зафиксированный Б. А. Шрамко и нами между основным и дополнительным валами на западном участке фортификации городища. Заметим также, что отдельные обломки керамики указанной культуры бронзового века встречались в пределах раскопа № 2 [11, с. 24] и к юго-востоку городища на плато [12, с. 3].

Однако наиболее важны в плане заявленной темы работы разрезы валов в западной части укреплений, проведенные в 1987 г. в пределах раскопов № 1 и № 2³. Разрез основного оборонительного вала был осуществлен двухметровой траншеей в северо-западной части укреплений. При выборе места данного раскопы мы исходили из следующих соображений. При создании западной части основного вала жители городища в качестве рва использовали естественный овраг, который в этом месте разрезает мыс с юга,

³ Следует сказать, что Ю. В. Буйнов и А. К. Дегтярь высказали предположение об отсутствии дополнительного грунтового вала к западу от сновного, предположив остатки каменной стены в 80 м в том же направлении от двора городища [12, с. 2, рис. II, 2], что, по нашему мнению, не верно. Это подтверждают топографическая инструментальная съемка Б. А. Шрамко 1952 г. и наши раскопки.

Рис. 2. Карта лесостепных городищ скифской эпохи в бассейне Северского Донца

и более северная закладка раскопа давала надежду проследить искусственный ров, являющийся продолжением оврага (рис. 1). Предварительно заметим, что общий перепад высоты системы «ров-вал» до начала раскопок составлял в этом месте около 4 м.

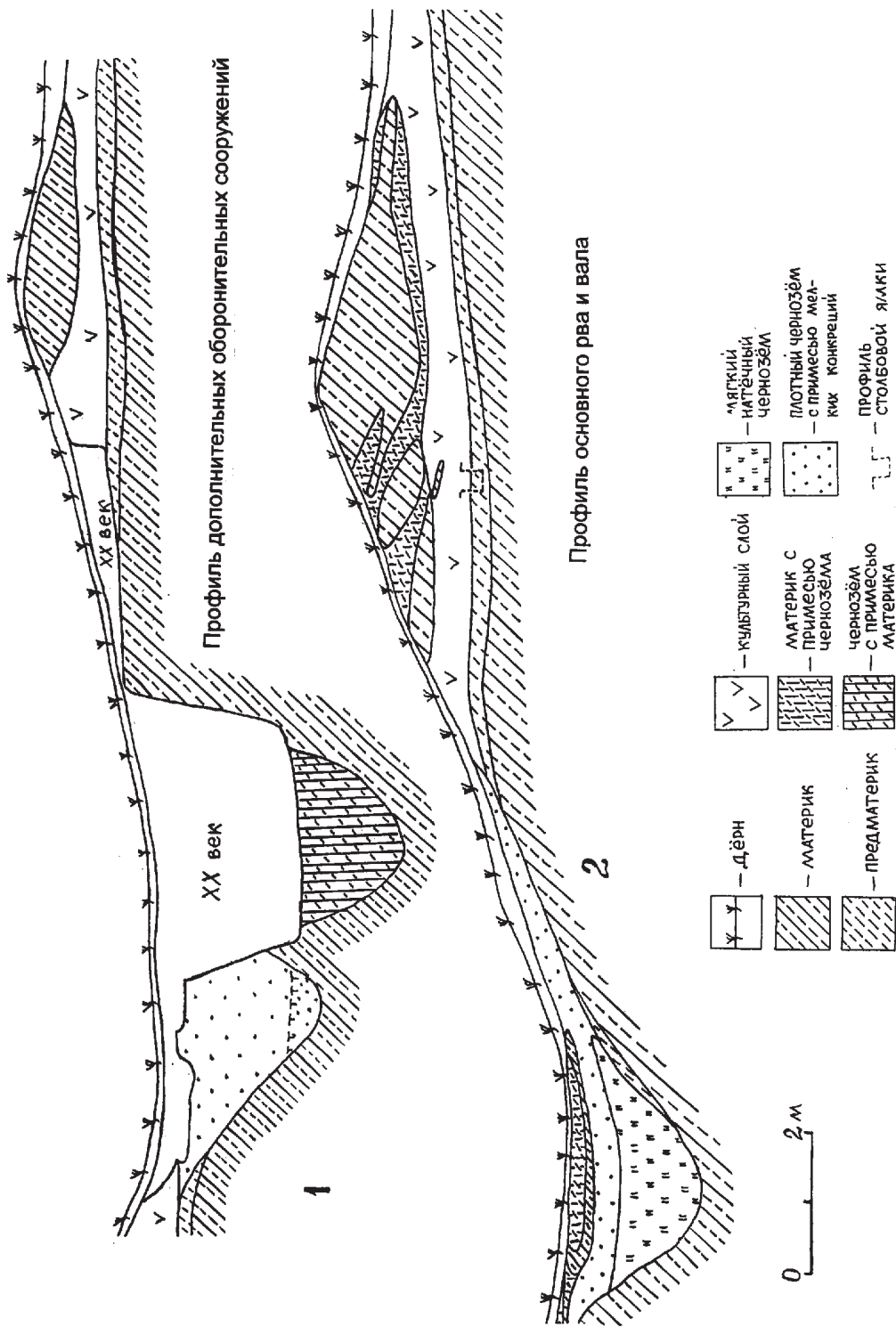
Работы показали, что под небольшим дерновым слоем (до 0,1 м без находок) идет треугольная в сечении линза вала, насыпанная в один строительный период с использованием материкового песка в чистом виде и в смеси с черноземом (рис. 3, 2). В рыхлой насыпи вала на глубине от 0,1 до 1,0 м встречаются отдельные куски дерева диаметром в 0,1–0,2 м и длиной до 0,5 м. Однако какой-либо системы в их расположении выявить не удалось⁴. На глубине 0,8–1,0 м на одном планировочном уровне встречены крупные куски рваного песчаника. Размеры сохранившейся линзы составляют 8,5 м в ширину и 1,5 м в высоту. Под насыпью вала находился слабонасыщенный культурный слой, в котором обнаружены куски рваного песчаника и кварцита, найдены единичные кремниевые отщепы и несколько фрагментов керамики. Большинство из них имеют в рыхлом тесте крупный шамот, их обжиг слабый и некачественный; цвет черепка — светло-коричневый, а на изломе — черный. По своему облику это обломки средневековых сосудов — лепные салтовские или, возможно, пеньковские [11, с. 25–26, табл. LXII, 5, 6, 9, 10]. Зачистка на уровне 2,0 м от вершины вала позволила выявить пятно ямки. Она имела цилиндрическую форму. Ее диаметр 0,3 м, высота тоже 0,3 м; заполнена чистым черноземом. Ямка была впущена в предматерик и, вероятно, представляет собой остатки столбовой ямки от оборонительного сооружения в период, что предшествовало насыпке вала (так как при всех предыдущих зачистках — через каждые 0,2 м — она не прослеживалась).

К западу от вала располагался ров, нижняя точка которого находилась на расстоянии 11 м от вершины вала. Он был создан путем углубления вершины оврага и придания ее стенкам более крутых скатов. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых местах по склонам рва сохранились остатки предматерикового слоя. Глубина рва составляла 1,8–1,9 м при ширине около 4,5 м. Профиль рва имел вид перевернутого треугольника с закругленной вершиной. Угол ската рва с напольной стороны составлял 40–45°, а со стороны городища — 35–40°. Заполнение рва было неоднородным: под тонким слоем дерна (до 0,1 м) и материковых переотложений залегал плотный слой чернозема с включением конкреций (толщина составляет 0,4–0,6 м). Ниже его до дна прослежен слой мягкого чернозема с многочисленными остатками перегнивших корешков. Каких-либо артефактов во рву не обнаружено.

Таким образом, все имеющиеся данные позволяют говорить о том, что основной вал городища был создан в один строительный период. Это событие относится к раннему средневековью. Доказательством здесь служит наличие в подстилающем вал культурном слое грубо шамотированной керамики и отсутствие керамики раннего железного века, присутствие в насыпи валов остатков дерева и рваного камня. Последнее обстоятельство вообще является характерной чертой салтовской фортификации [13, с. 89–113]. Дерево как материал заполнения насыпи вала также встречается на лесостепных городищах салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца — например, городище Мохнач [14, с. 118–119]. Рвом этому валу служил овраг, бортам которого была придана дополнительная крутизна. Общий перепад высоты данной системы «ров-вал» в ее современном состоянии составляет 5,5 м, что является значительным препятствием для осаждавших.

Возможно, что созданию этой части оборонительной линии предшествовала какая-то наземная оборонительная стена неясной конструкции, остатки которой сохранились в виде столбовой ямки. В последнем случае естественный овраг выполнял функции рва. Судя по имеющимся керамическим фрагментам, эта линия также относится к раннему средневековью.

⁴ Попутно хотелось бы отметить, что, по наблюдениям 1988 г., в разрезе этого же вала с юго-восточной стороны прослежены аналогичные по размеру разрозненные куски дерева (устное сообщение Ю. В. Буйнова).

Профиль основного рва и вала

Рис. 3. Профили укреплений западного участка обороны Северского городища

Дополнительный оборонительный вал городища был изучен в раскопе № 1, который представлял, по сути, такую же, как и в предыдущем случае, траншею двухметровой ширины, разрезающую дополнительную оборонительную линию в месте наилучшей сохранности вала⁵. Отметим, что, согласно стратиграфическим наблюдениям, оборонительный вал был насыпан поверх бондарихинского культурного слоя, который здесь достигал толщины 0,25–0,3 м. Насыпь вала состояла из материкового песка с незначительным добавлением чернозема культурного слоя. Материковая часть насыпи вала представляла собою в сечении линзу шириной 3,5–3,75 м при максимальной высоте — 0,75 м. Никаких следов деревянных или каменных конструкций ни в насыпи, ни под ней не обнаружено (рис. 3, 1). Приблизительно в 10 м от вала прослежены остатки рва. Его в полной мере исследовать не удалось, так как между внешним скатом вышеописанного вала и рвом выявлены строительные остатки середины прошлого века и воронка от крупного артиллерийского снаряда [11, с. 21–22]. Ров глубиной около 2 м и шириной около 4,5 м, имел в сечении вид перевернутого конуса с закругленной вершиной. Угол ската рва с напольной стороны составлял 35–40°, а со стороны городища — 40–45°. Высшая точка вала от нижней точки рва находилось на расстоянии 11 м. В настоящее время ров заполнен однородным плотным черноземом с примесью конкреций. На дне рва на глубине 1,8–2,0 м были найдены фрагменты салтовской керамики: обломки лепного шамотированного сосуда и стенки гофрированных амфор [11, с. 23, табл. LVII, 1, 3–5]. Скифских материалов не обнаружено.

Исходя из полученных данных, мы можем утверждать, что дополнительное оборонительное сооружение к западу от основного представляло собой земляной вал (ширина основания до 7 м), который к настоящему времени сохранился лишь на высоту 1 м. Он был сооружен в один прием с использованием грунта, вынутого при копании напольного рва поверх бондарихинского культурного слоя. Несмотря на значительный оплыв вала, стратиграфия свидетельствует, что перепад высот этой оборонительной системы «ров-вал» составлял не менее 4 м. А это, в свою очередь, свидетельствует, что данная оборонительная линия была значительным, хотя и предварительным препятствием для наступающих.

Таким образом, Северское (Меловое) городище является памятником раннего средневековья и относится к салтовской археологической культуре.

Присутствие некоторого количества скифской керамики IV в. до н. э. вполне объяснимо наличием здесь небольшого селища раннего железного века, что говорит о попытках указанного населения освоить и заселить этот регион (правый берег Северского Донца) в конце скифской эпохи — не ранее рубежа V–IV вв. до н. э. Это подтверждают данные исследования городищ Мохнач и Коробовы Хутора [15, с. 42, 44; 16, с. 137, 139; 17, с. 168; 18; 19]. Они имеют оборонительные сооружения, часто незавершенные, но практически не имеют культурного слоя, равно как и большинство сопутствующих им синхронных селищ (редкий подъемный материал). Датированный материал — наконечники стрел, предметы быта и конской упряжи — практически не выходят за пределы IV в. до н. э. Скифские оборонительные линии городища Мохнач, датированные методами почвоведения, подтверждают их позднюю датировку [20, с. 164–165; 21, с. 337–338].

Причины появления здесь скифоидного населения связаны скорее всего с приходом сюда земледельческого населения раннего железного века из бассейнов Ворсклы, Псла и Сулы. Истощив плодородие земель на указанных территориях, скифоидное левобережное лесостепное население, преодолев водораздел Днестра и Дона, постепенно достигает Северского Донца. Случилось это не ранее рубежа V–IV вв. до н. э. Однако здесь им не удалось закрепиться. Противодействие им оказали, по-видимому, группы скифов-кочевников, присутствовавших в тот период в бассейне Донца [22, с. 97–99].

⁵ Заметим, что уже в послевоенное время отмечалась сильная поврежденность насыпей. Причина этого банальна: местное население брало из них строительный материал для своих хозяйственных нужд.

Последнее обстоятельство относительно лесостепной части Харьковской области подтверждается наличием могильников с богатыми на инвентарь погребениями у пос. Песочин и Старый Мерчик [23; 24, с. 23–24; 25].

Принадлежность Северского (Мелового) городища к салтовской археологической культуре опосредованно подтверждается и наличием вблизи него синхронных открытых поселений. Кроме соседствующего с ним на одном мысе салтовского селища (о чем мы сообщали выше), в 1,5 км к востоку от него, рядом с пойменной дорогой в с. Меловая и в 0,7 км от Каменного брода через Донец расположено еще одно селище. Оно было открыто и исследовано Северо-Донецкой археологической экспедицией в 1988 г. Здесь были исследованы жилые и хозяйственные постройки с материалами салтово-маяцкой культуры [12, с. 7–21]. В 2 км к западу от городища у с. Красная Горка находится обширный салтовский могильник [26, с. 45–52]. Считаем необходимым заметить, что высказанное мнение о наличии рядом с указанным могильником городища [27, с. 142–143] до проведения полевых исследований остается лишь теоретическим допущением.

Таким образом, вполне вероятно, что перед нами небольшой микрорегион, центром которого и выступает рассматриваемый нами памятник у с. Меловая Балаклейского района. Данное городище, равно как и Вербовское [28, с. 110, рис. 1; 29, с. 128, табл. I, IV], заполняет лагуну между густонаселенной салтовской территорией Верхнего течения Северского Донца и гнездом синхронных и в целом однокультурных городищ у впадения в него реки Оскол. По своему месту расположения оно является своеобразным связующим звеном между лесостепными салтово-маяцкими памятниками Донца и степными салтовскими территориями в его среднем течении.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что городище Северское (Меловое) необходимо исключить из круга древностей раннего железного века и ввести в перечень памятников салтово-маяцкой археологической культуры (рис. 4). Это будет способствовать правильному пониманию политической и этнокультурной ситуации как для скифского периода данного региона, так и для раннего средневековья. Время бытования рассмотренного городища определяется общими рамками существования салтовской культуры — середина VIII–середина X вв.

Рис. 4. Карта городищ салтовской культуры в бассейне верхнего и среднего течения Северского Донца

ЛИТЕРАТУРА

1. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Х., 1962.
2. Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. — К., 1977.
3. Багалей Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии//Труды XII Археологического съезда. — М., 1905. — Т. I.

4. Шрамко Б. А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця//Археологія. — 1962. — Т. XIV.
5. Ляпушкин И. И. Поселение зольнической культуры «скифов-пахарей» в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья//СА. — 1950. — Т. XII.
6. Шрамко Б. А. Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1952 г. — Х., 1952. — 38 с.//НА ИА НАНУ. — № 1952/24.
7. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. — 1961. — № 104.
8. Михеев В. К., Шрамко Б. А. Археологія залізного віку Східної Європи. — Х., 2000.
9. Моруженко А. А. Горордища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э.//СА. — 1985.
10. Колода В. В. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца. — Харьков, 1987. — 19 с.//НА НИИАЛ ХНПУ.
11. Михеев В. К., Колода В. В. Исследование Северского городища. — Х., 1987. — С. 17–28//НА НИИАЛ ХНПУ.
12. Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К. Отчет о работе Северо-Донецкой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1988 г. — Харьков, 1989. — 21 с.//НА ИА НАНУ. — № 1988/60.
13. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. //АОН. — 1987. — Вып. 2.
14. Свистун Г. Є. Конструктивні особливості салтівської оборонної лінії Мохначанського городища//АЛЛУ. — 2001. — Ч. 1.
15. Колода В. В., Колода Т. А. Старожитності с. Мохнач та його округи//АЛЛУ. — 2001. — Ч. 2.
16. Колода В. В. Исследования Мохначанского городища в 2001 г.//АВУ 2000–2001 рр. — К., 2002.
17. Колода В. В. Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе//АВУ 2002–2003 рр. — К., 2004. — Вып. 6.
18. Колода В. В. Работы 2004 г. на городище и селище Коробовы Хутора//АДУ 2003–2004 рр. — К., 2005. — В печати.
19. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи//Археологія. — 2005. — Прийнята до друку.
20. Лисецкий Ф. Н., Юлеусов П. В. Датировка почв разновозрастных поверхностей городища Мохнач почвенно-хронологическим методом//АВУ 2001–2002. — К., 2003. — Вып. 5.
21. Чендев Ю. Г., Колода В. В. Архитектура земляных валов городища Мохнач с точки зрения палеографии и почвенной геохимии//АВУ 2001–2002 рр. — К., 2003. — Вып. 5. — С. 337–340.
22. Давня історія України. — К., 1998. — Т. 2.
23. Бабенко А. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Х., 2005.
24. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Предварительные итоги раскопок курганного могильника скифского времени у с. Старый Мерчик на Харьковщине//Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы. — Х., 1999.
25. Бородулин В. Г. Раскопки Песочинского курганного могильника//АО 1979 г. — 1980.
26. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры//Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990.
27. Аксьонов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). — Дисертація ... канд. іст. наук. — Х., 1999//НА ИА НАНУ.

28. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. — X., 1985.
29. *Крыганов А. В.* Отчет о разведках в Балаклейском, Волчанском и Змиевском районах Харьковской области в 1994 г.//НА ИА НАНУ. — № 1994/55.

Summary

V. Koloda. Cultural and Chronological Interpretation of the Northern Hillfort at Melovaya Village by the Donets River

There is a hillfort with soil banks at the territory of the modern hamlet at a distance of 4 kilometres to the northern-western part of Melovaya village. On the basis of archaeological surveying in the middle of XX century this hillfort put into archaeological use as a monument of Scythoid population of the Dniepre Left-side forest-steppe. It is registered to the defensive outpost function of settled farmer population in the Early Iron Age (IV BC) in the Severskiy Donets basin for nomad attack. Archaeological excavations that were made in the end of the last century showed that there was no hillfort of Scythian epoch and it lets us belong it to the Early Middle Ages — Saltov archaeological culture (the mid. VIII—the mid. X A.D). This hillfort was the centre of a small household micro region and was a connecting-link between densely populated forest-steppe region of the northern-western Khazaria and steppe monuments of the middle stream of the Severskiy Donets.

